Людмила Сукина

Апроприация силы древних чудотворных образов Богоматери в списках богородичных икон конца XVII — начала XVIII в. с «историей святыни»

DOI: https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-3-163-183

Liudmila Sukina

The Appropriation of the Power of Ancient Miraculous Images of the Mother of God in the Iconic Replicas of the Late 17th — Early 18th Century

Liudmila Sukina — Program Systems Institute, Russian Academy of Sciences (Pereslavl-Zalessky, Russia). lbsukina@gmail.com

The article discusses the representation of miracles performed by the ancient icons of the Mother of God (believed to be painted by Luke the Evangelist and revered in Russia from the 12th — 13th centuries) in the late medieval Russian iconography. The paper analyzes three well-known replicas of the Virgin's icons "with the legend" created and revered in the last decades of the 17th — early 18th centuries ("Our Lady of Vladimir" by Cyril Ulanov, "Theodor's Our Lady" by Gury Nikitin, and "Our Lady of Tikhvin" by an unknown artist). In these works, the wonders of ancient shrines depicted in the chapters of their frames referred to significant events of the Russian history. Problems of decoding the iconographic programs of these icons, interpreting their plots, revealing the artistic techniques of transmitting the power of their miraculous prototypes are studied within a wide cultural and historical context. The icons emphasized those miracles that fit into the concept of a genetic connection of the Romanov dynasty with Vladimir-Suzdal and Moscow Russian state. The power of the miraculous icons of the Virgin Mary was not only appropriated in new images in the hope of receiving miraculous help from these replicas; the new icons were intended to preserve the memory of the miracles performed by the original images that saved Russian troops and cities in various dangerous situations.

Сукина Л. Апроприация силы древних чудотворных образов Богоматери в списках богородичных икон конца XVII — начала XVIII в. с «историей святыни» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 39(3). С. 163-183.

Sukina, Liudmila (2021) "The Appropriation of the Power of the Ancient Miraculous Images of the Mother of God in the Replicas of Icons of Our Lady of the Late 17th – Early 18th Century with 'History of Sacred Object'", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 39(3): 163-183.

Keywords: Russian medieval culture, icon-painting, iconography, iconographic program, replicas of ancient miraculous icons, appropriation of the power of the icon.

Иконографический прием «икона в иконе» в последнее время стал уже традиционным объектом внимания исследователей русской иконописи. Во многом это произошло благодаря публикации труда Э.С. Смирновой «“Смотря на образ древних живописцев...”: Тема почитания икон в искусстве Средневековой Руси»[1]. Часто этот прием использовался в богородичных иконах XV–XIX вв. с клеймами акафиста или чудес/истории образа. Вслед за Э.С. Смирновой исследователи обычно указывают две цели создания таких икон: почитание самой Богородицы и научение молящихся чтить иконописные образы Богоматери. Однако анализ истории создания и иконографии икон с клеймами сказаний о прославленных богородичных образах позволяет выделить еще один специфический аспект их предназначения, который ускользнул от внимания историков искусства.

По наблюдениям исследователей, после окончания Смутного времени резко увеличилось количество списков с особо почитаемых в России чудотворных икон Богородицы[2]. При первых государях династии Романовых в XVII — начале XVIII в. была распространена традиция ношения чтимых в различных церквах и монастырях образов Христа, Богоматери и святых по другим городам и селам. Однако эти иконы не могли «посетить» все местности и храмы, где им желали поклониться, поэтому практика изготовления списков, сложившаяся еще в Средневековье, получила дальнейшее развитие. Заметим, что само по себе копирование святыни уже являлось актом апроприации ее чудотворной силы. Не случайно многие из таких копий становились чудотвор-

1. *Смирнова Э.* «Смотря на образ древних живописцев...»: Тема почитания икон в искусстве Средневековой Руси. М.: Северный паломник, 2007.

2. См. *Щенникова Л.* Царьградская святыня «Богоматерь Одигитрия» и ее почитание в Московской Руси // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. К 100-летию Андрея Николаевича Грабара (1896–1990). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 329–340; *Щенникова Л.* Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве в 1395 г. Исторический сюжет и особенности иконографии // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018. С. 240–274; *Плюханова М.* «Кипение света». Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб.: Пушкинский дом, 2016.

ными[3]. Но в клеймах некоторых списков-копий, создававшихся прославленными иконописцами в конце XVII — начале XVIII в., могущество их древних протографов специально подчеркнуто. Оно представлено с особым мастерством и выразительностью в многочисленных «исторически достоверных» эпизодах. Этому способствовало нарастание повествовательности в книжных текстах и изображениях, развитие и распространение в иконописи манеры мелочного письма, позволявшего уместить на небольшом визуальном пространстве множество деталей. Новые списки богородичных икон, сделанные по заказу высокопоставленных донаторов, должны были «вобрать» в себя силу всех главных чудес древних святынь и окормить полученной благодатью то место, для которого они предназначались. В данной статье мы рассмотрим этот феномен на основе анализа нескольких известных списков богородичных икон, созданных и почитавшихся в последние десятилетия XVII — начале XVIII в. Эти иконы объединяет то, что все их чудеса были совершены на территории Русского государства, а самые значительные из них имели отношение к его истории.

Вероятно, одной из самых ранних русских иконографических композиций, использовавших прием апроприации силы чтимой местной святыни, следует считать «Чудо от иконы Богоматери Знамение»; композиция основана на рассказе об историческом событии XII в. — осаде Великого Новгорода войском суздальского князя Мстислава Андреевича, сына Андрея Боголюбского. Этот иконописный сюжет стал популярным в XV–XVII вв. после создания целого ряда литературных произведений, восхваляющих новгородский чудотворный образ, который защитил стены города во время попытки их штурма суздальцами[4].

В новгородской иконописной традиции данный сюжет имел самостоятельное значение, ему посвящали специальные иконы. Изображение на них, как правило, делилось на три регистра. В верхнем были представлены сцены молитвы новгородцев возле церкви Спаса на Ильине улице перед небольшой иконой Богородицы, относящейся к типу Оранты, и перенесения этого образа на «острог» к защитникам города. Средний

3. См. *Киселев А.* Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории. М.: Русская книга, 1992.

4. *Дмитриев Л.* Слово о битве новгородцев с суздальцами // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 347–351.

занимали изображения переговоров враждующих сторон перед сражением и обстрела суздальскими войсками иконы, стоящей на прясле городских укреплений. В нижнем регистре — сцена победы новгородцев и бегства суздальцев. Такие иконы были распространены в Новгородской земле во время противостояния Новгорода и Москвы[5], когда местная элита и население надеялись на то, что чудотворный образ еще раз защитит княжество, на этот раз от московской экспансии. В других русских землях эта иконография почти не встречалась. В конце XVII в. сюжет «Чудо от иконы Богоматери Знамение» стал использоваться на образах, создававшихся иконописцами Ярославля и Костромы, среди десятков клейм с чудесами различных чтимых в разных городах и странах православного мира богородичных икон. Значимость этого сюжета, связанного с защитой от самовластия князей Северо-Восточной Руси, в таких композициях снижалась из-за включения в широкий ряд других чудес. Особое значение сюжет по-прежнему мог иметь для новгородцев, проживающих на территории бывшего княжества и переселенных в другие земли, в том числе на верхнюю Волгу при Василии III и Иване Грозном[6].

Наибольший интерес для нашего исследования представляют иконы конца XVII — начала XVIII в., древние прообразы которых прославились при иных, гораздо менее неудобных с политической точки зрения обстоятельствах, и потому значительно шире почитались и чаще использовались в иконописной практике. Самой прославленной иконой Богородицы в эту эпоху была Богоматерь Владимирская, на протяжении нескольких веков считавшаяся палладиумом Северо-Восточной Руси. Важнейшим периодом ее почитания было время расцвета Московского великого княжества, после того как знаменитый образ византийского письма перевезли из Владимира в Москву[7]. В XVII в. Богоматерь Владимирская была прославлена как покровительница Русского государства и царской династии Романовых, и ее чтили уже по всем

5. См. *Смирнова Э., Лаурина В., Гордиенко Э.* Живопись Великого Новгорода. XV век. М.: Наука, 1982. С. 83–86, 98–101, 150–154, 217–220, 229–230, 423.

6. См. *Масленицын С.* Писал Семен Спиридонов. М.: Изобразительное искусство, 1980. С. 89, 101.

7. *Гребенюк В.* Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М.: Биоинформсервис, 1997; *Щенникова Л.* Прославление чудотворной Владимирской иконы Богоматери в XVI веке: сказания и чтимые списки // История и культура Ростовской земли. 1997. Ростов, 1998. С. 96–103.

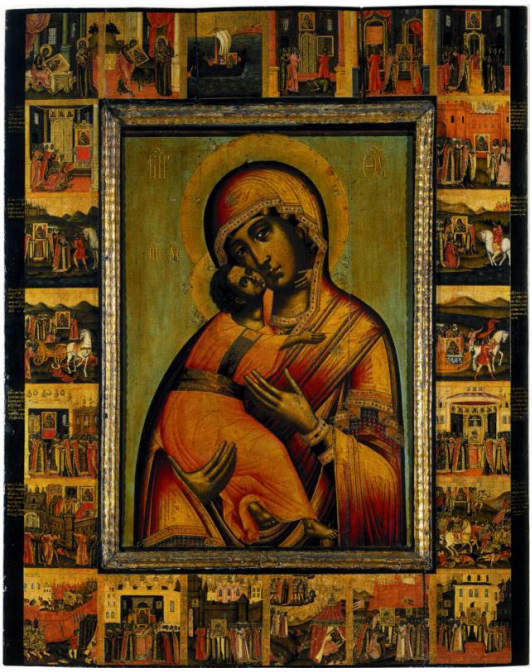
русским землям. Характерной особенностью прославления иконы стало создание ее многочисленных списков, заказчиками которых выступали и государство, и частные лица из разных социальных слоев. Л.А. Щенникова, исследовавшая традиции почитания Богоматери Владимирской, полагает, что в XVII столетии эта икона воспринималась не только и не столько как чудотворная святыня и живой образ Царицы Небесной (как в более раннее время), но и как символ, своего рода эмблема православного Русского государства, сохраняемого покровительством Богородицы со времен Владимиро-Суздальской Руси[8].

Во второй половине XVII в., вероятно, в стенах Оружейной палаты была разработана иконография иконы с чудесами в окружающих средник клеймах. Одним из лучших ее образцов считается «Богоматерь Владимирская с лицевым Сказанием о чудесах» 1717 г. из Никольского монастыря в Переславле-Залесском, приписываемая Кириллу Уланову (Переславль-Залесский музей-заповедник, ПЗМ-2530)[9]. В клеймах иконы, сюжетно соответствующих «Сказанию о чудесах иконы Богоматери Владимирской», известному по списку XVI в., представлен долгий путь святыни из Константинополя в Москву и чудеса защиты Владимирского княжества и Московской Руси от врагов, вплоть до спасения от нашествия Темир-Аксака (Тамерлана). (Илл. 1)

Рафинированный и несколько архаичный для конца XVII — начала XVIII в. стиль Кирилла Уланова сделал его известным мастером списков чтимых богородичных икон, великолепно передавшим иконографические формы древних образов и придавшим их копиям царственную торжественность и нарядную холодность, характерную для работ художников Оружейной палаты эпохи первых Романовых. Его заказчиками были традиционалистски настроенные представители знати, высшего духовенства и купечества, надеявшиеся на то, что покровительство высших сил и древние чудотворные иконы спасут Московское царство в эпоху резких перемен.

8. *Щенникова Л.* Прославление чудотворной Владимирской иконы Богоматери в XVII столетии // История и культура Ростовской земли. 1998. Ростов, 1999. С. 82.

9. 1000-летие русской художественной культуры: Каталог выставки. М., 1988. Табл. 173; *Попова Т.* Иконы из собрания Переславского музея-заповедника. Рыбинск: Медиарост, 2015. С. 169.



Илл. 1. Кирилл Уланов (?). Богоматерь Владимирская со Сказанием. 1717 г. Переславль-Залесский музей-заповедник.

Рама с клеймами Богоматери Владимирской из Никольского монастыря лишний раз демонстрирует, что находящаяся в центре нее великолепная икона — только копия прославленного образа. Но сакральная связь нового изображения с написанным, по преданию, самим евангелистом Лукой подчеркивается присутствием изображения древней святыни в 20 из 22 клейм. В иконе с лицевым Сказанием представлены все проявления чудесной силы ее прославленного прообраза. Это и сцены выбора иконой места своего пребывания, и необычные обстоятельства ее переезда из Киева во Владимир. Целительная сила образа продемонстрирована в одиннадцатом клейме («Исцеление жены пресвитера Николы»). В этом, видимо, была особо заинтересована заказчица списка — Ирина Клементьева Обухова[10], супруга главного благотворителя переславского Никольского монастыря, купца московской Кадашевской слободы Г.Я. Обухова. Она умерла в возрасте 31 года от неустановленной причины и была похоронена в одной

10. *Попова Т.* Иконы из собрания Переславского музея-заповедника. С. 169.

могиле с малолетней дочерью и младшими детьми («незрелыми младенцами»)[11], а икону художник закончил по ее «обещанию» три года спустя.

Самое существенное место в визуальном рассказе о чудесах иконы отведено ее функции защитницы Северо-Восточной Руси. Образ Богородицы спасает владимирцев во время землетрясения, обрушившего Золотые ворота (клеймо 15), в 1164 г. помогает Андрею Боголюбскому разбить волжских булгар (клеймо 16), сохраняется, потеряв только свой золотой оклад, во время захвата Владимира войском Батыя (клейма 18–19), наконец, отводит от Москвы и всей Руси огромную орду Тамерлана (клейма 21–22). В этом отношении составители программы изображения следовали за уже ставшей традиционной иконографией Богоматери Владимирской «со Сказанием», неоднократно использовавшейся московскими и региональными иконописцами. Идея чудесной силы древнего образа, действовавшей в разных ситуациях, проводится в клеймах иконы из Никольского монастыря с дидактической последовательностью и настойчивостью. Все сюжеты прописаны обстоятельно и детально. Удивительная точность и аккуратность мелочного письма позволяет рассмотреть небольшие по размеру композиции во всех подробностях. Будучи вкладной, икона, вероятно, размещалась в специальном киоте у стены храма, что давало возможность молящимся увидеть и оценить ее красоту и расшифровать визуальный рассказ, который она содержала. Но, несмотря на это, она так и не получила статуса чудотворной, что, надо думать, отчасти было связано с историческими обстоятельствами эпохи.

В XVII в. был актуализирован и получил распространение на всей территории Русского государства культ костромской иконы Федоровской Богоматери. Ее древнейший чудотворный список, датируемый 1239 г., согласно Сказанию, был «обретен» удельным князем Василием Ярославичем в лесной чаще во время охоты и первоначально находился в храме Федора Стратилата (отсюда и происходит название образа)[12]. В первой четверти XVII в. икона Федоровской Богоматери, почитавшаяся с XIII столетия, стала патрональной святыней нового царствующего дома. Счита-

11. *Шереметевский В.* Русский провинциальный некрополь М., 1914. Т. I. С. 630.

12. *Масленицын С.* Икона «Богоматери Федоровской» 1239 г. // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность, искусство, археология. 1976. М.: Наука, 1977. С. 155–166.

ется, что ею инокиня Марфа благословила своего сына Михаила Федоровича на московский престол, и этому богородичному образу было установлено дополнительное празднование 14 марта, в память о событиях 1613 г. При Михаиле Романове древняя икона была поновлена и получила драгоценный убор[13].

Конечно, икона Богоматери Федоровской в Московском государстве не заменила прославленную Богоматерь Владимирскую, поклонение которой связывалось со становлением и укреплением власти Владимиро-Суздальских князей, от которых вели свою родословную представители прежней царской династии Рюриковичей-Калитовичей. Но подчеркнутое почитание при дворе Романовых Богоматери Федоровской было вызвано желанием нового царствующего рода, получившего престол не по праву крови, а через процедуру избрания, иметь собственный палладиум. Древняя икона Богородицы, находившаяся в Костроме и принадлежавшая к тому же иконографическому типу (Елеуса), по преданию, также написанная евангелистом Лукой, что и Богоматерь Владимирская, оказалась очень кстати, чтобы представить согласие Михаила Романова занять царский трон как благословение свыше[14].

Существовало ли ранее XVII в. литературное Сказание об иконе Богоматери Федоровской и ее чудесах, неизвестно. Самый ранний из сохранившихся списков его исследователь О.А. Рыжова датирует 1640–1650-ми гг. Она также полагает, что более пространное, по сравнению со Сказанием, Слово об иконе Богоматери Федоровской, получившее широкую известность в XVIII в., было написано не позднее 1670 г.[15] Сюжетная канва Сказания и Слова, в которых прославлялись древние и новые чудеса иконы и описывалась ее роль в спасении русского государства в Смутное время, давала прекрасную возможность для создания новой иконографии образа с клеймами его истории.

13. См. Сказание о явлении и чудесах Федоровской иконы Богоматери // Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским археологическим институтом. СПб., 1909. Вып. XIX. С. 187–260.

14. О роли долгих отказов кандидатов на престол в процедуре избрания царя подробнее см.: *Антонов Д.* Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. Москва: РГГУ, 2019. С. 29–37.

15. *Рыжова О.* Чудеса Федоровской иконы Богоматери по литературным и изобразительным источникам XVII–XIX вв. // Краеведческие записки. Кострома, 2003. Вып. VI. С. 170.

Сама древняя святыня, оставаясь в Костроме, на протяжении XVII в. дважды поновлялась[16] и таким образом оказывалась в руках иконописцев, которые во время «реставрации» делали с нее списки. Не раз копировал икону и прославленный костромской иконописец Гурий Никитин (Кинешемцев) по заказам костромских и ярославских купцов, у которых «царский» образ Богородицы пользовался большим почитанием[17]. Посредством этих копий чудотворная сила святыни, тогда находившейся уже в соборном Успенском храме Костромы, растекалась по купеческим церквам костромского и ярославского посадов. Предполагается, что Гурий Никитин выполнял и второе поновление иконы в 1677 г., и во время этой работы у него могла возникнуть идея создания новой иконографии древнего образа — через дополнение его рамой с клеймами «Сказания»[18].

По мнению В.Г. Брюсовой, образцы такого иконографического извода были созданы Гурием Никитиным в 1680-е гг. и сразу же получили популярность в кругу ярославских и костромских иконников[19]. Самым известным произведением этой иконографии является «Федоровская икона Богоматери со Сказанием» 1680-х гг., которая считается работой самого Гурия Никитина при возможном участии его ученика Василия Козьмина[20] (Костромской историко-архитектурный музей-заповедник, КМЗ КОК — 22673). Для какого храма она предназначалась — неизвестно. Икона была обнаружена С.И. Масленицыным и сотрудниками Костромского музея в 1960 г. в хозяйственной части нижнего этажа церкви Спаса на Запрудне, где складировались фрагменты иконостасов из нескольких сельских церквей Костромской низины, попавших в зону затопления Рыбинского водохранилища[21]. Она была сразу определена как произведение выдающегося художественного качества, а позже искусствоведам удалось обосновать ее связь с творчеством Гурия Никитина. (Илл. 2)

16. См. *Каткова С.* Икона «Богоматерь Федоровская со Сказанием» // XII научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): Сб. статей. Ярославль: Аверс Плюс, 2008. С. 56.
17. Там же.
18. Там же.
19. *Брюсова В.* Гурий Никитин. М.: Изобразительное искусство, 1982. С. 134–144.
20. Там же. С. 134–144.
21. См. *Каткова С.* Икона «Богоматерь Федоровская со Сказанием». С. 63–64.

Илл. 2. Гурий Никитин с учеником (?). Богоматерь Федоровская со Сказанием. 1680-е гг. Костромской музей-заповедник.

По мнению одного из современных исследователей этой иконы С.С. Катковой, с которым мы полностью солидарны, средник письма Гурия Никитина в художественном отношении значительно более эффектен, чем сама древняя чудотворная святыня[22]. Каткова обратила внимание на то, что богатейший формальный язык художника искусно использовался им для усиления воздействия образа Богородицы на зрителя:

> Часть нимба в отличие от оригинала заходит на рамку средника. <...> Художник меняет акцент взаимоотношений Богоматери с молящимися. Она не издалека смотрит на людей, а идет к ним навстречу, словно выходя за рамку из надмирного пространства и являя миру Спасителя[23].

22. Там же. С. 61.
23. Там же.

Новый список чудотворного образа, в отличие от древней святыни, был доступен для обозрения всеми прихожанами того храма, для которого был написан (отметим, что, судя по сохранности иконы при ее обнаружении, она не была закрыта сплошным окладом, а многие годы находилась в киоте, со временем застекленном). Возможно, это предполагалось с самого начала, так как клейма рамы иконы тоже отличаются высочайшим качеством письма, исключающим даже мелкие огрехи, почти неизбежные в таких миниатюрных композициях.

Чудотворная сила копируемого образа подчеркнута тем, что он изображен в 18 из 20 клейм иконы. В верхнем поясе подробно рассказана история появления святыни в Костроме (по преданию, ее принес сюда сам великомученик Федор Стратилат). Много внимания уделено обретению иконы князем Василием Ярославичем — братом Александра Невского. Ему пришлось оборонять Кострому от ордынских набегов, и он остро нуждался в помощи небесных сил. С похожими угрозами костромичи вновь столкнулись в начале XVII в., в Смутное время, когда вера в силу чудотворных икон пережила новый виток актуализации и придала давним событиям остросовременное звучание, что отразилось в текстах Сказания и Слова об иконе Богоматери Федоровской.

Самым известным из всех чудес древнего образа была победа дружины костромского князя над ордынцами в битве на Святом озере, которая в краеведческой литературе связывается с набегами на Кострому 1260–1270-х гг. (точная дата сражения неизвестна — очевидно, оно является исключительно легендарным). Явление иконой своей силы подробно описано в Сказании, откуда сюжетная канва этого эпизода была заимствована Гурием Никитиным.

Кратко воспроизведем этот сюжет, так как история чудес Богоматери Федоровской (в отличие от Богоматери Владимирской) не является общеизвестной. Отправляясь со своей «малой дружиной» на неравный бой с ордынским войском, князь Василий Ярославич вспомнил своего «сродника» Андрея Боголюбского, бравшего с собой в таких случаях чудотворную икону Владимирской Богоматери (такая апроприация силы знаменитого образа будет «повторена» три с половиной века спустя Романовыми, положившимися на покровительство Федоровской иконы так же, как их «сродники» Рюриковичи полагались на Богородицу Владимирскую). Взятая на поле боя костромская святыня полностью оправдала упования князя. Когда отряд ордынцев

собирался атаковать, а русские воины приготовились к смерти, икона просияла лучами, которые были ярче солнечных и горячее огненных. Ослепленные враги обратились в бегство. Воинам князя Василия Ярославича удалось не только уцелеть самим, но и освободить пленников, захваченных ордынцами в других княжествах. Как и в иных эпизодах, известных по сказаниям о богородичных иконах, победа была одержана здесь не войсками под покровительством Божией Матери, а самим чудотворным образом.

На иконе Гурия Никитина рассказ об этом чуде представлен очень подробно — в шести клеймах, расположенных слева и справа от средника. Однако эмоциональные и сюжетные акценты в нем слегка смещены по сравнению с текстом Сказания. После общегородской молитвы в соборе княжеская дружина, словно крестным ходом, торжественно движется на поле брани, везя впереди богородичный образ (клейма 9 и 10). Рассматривая ключевой эпизод ослепления врагов светом, исходящим от иконы, мы можем только догадываться, что красная бахрома, обрамляющая изображение Богоматери Федоровской по периметру, и есть те самые губительные лучи, поразившие ордынцев. Любопытно, что и враги при этом не пугаются и не бегут, как описано в Сказании, а сохраняют стройность рядов и готовы атаковать костромскую дружину (клеймо 11). Само поражение и бегство ордынцев представлены в другом клейме как вполне реалистично трактуемый результат боевой активности костромичей, перешедших в контратаку (клеймо 12). Икона Богоматери виднеется в левом верхнем углу композиции, позади рядов княжеских воинов. В последних двух клеймах, иллюстрирующих этот сюжет, изображено торжественное возвращение иконы в Кострому и ее водружение на прежнее место в храме. Сила иконы в визуальной трактовке Гурия Никитина выражается скорее в ее влиянии на костромских воинов, нежели в прямом физическом воздействии на врагов. Однако исхождение силы от образа четко обозначено в 11-м клейме.

Сюжет победы дружины Василия Ярославича над ордынцами с помощью чудотворной иконы Федоровской Богоматери благодаря иконографии Гурия Никитина стал популярен в Костроме. В.Г. Брюсова указывала, что он был включен в цикл чудес этого богородичного образа в первоначальной росписи городского Успенского собора. Во второй четверти XVIII в. его повторили в стенописи шатровой часовни в деревне Некрасово (Святое) близ

костромского Ипатьевского монастыря, по преданию, поставленной в XVII столетии на месте того легендарного сражения[24].

Могущество иконы проявилось и в том, что она сама чудесно оставалась невредимой во время двух пожаров, случившихся в Федоровском соборе в XIII в. (клейма 6–7 и 15–16). Последние клейма произведения Гурия Никитина посвящены строительству городского Успенского соборного храма и помещению в него образа Богоматери Федоровской. В клейме, заключающем композицию рамы, в интерьере нового собора как небесная покровительница Костромы изображена уже не Федоровская икона, а сама Богородица в царском венце. Так художник, видимо, стремился напомнить, что иконописный образ — лишь ковчег, вместилище силы Божьей Матери, а им может служить как древний образ, так и недавно написанная икона.

Составители иконографической программы иконы «Богоматерь Федоровская со Сказанием», вероятно, намеренно отказались от включения в нее новейших чудес, связанных с избранием на царство первого представителя правящей династии. Чудотворная сила воспроизводимого в клеймах древнего богородичного образа направлена исключительно на Кострому и ее жителей, он позиционируется, в первую очередь, как местная святыня, явившаяся в окрестностях города и никогда его не покидавшая (новоизбранный царь Михаил Федорович увез с собой в Москву только список с иконы).

Еще одной чтимой чудотворной иконой, чье происхождение возводили к глубокой древности, а прославление связывали с историей русского государства, был образ Богоматери Тихвинской. Икона принадлежит к типу Одигитрии и, согласно преданию, как и Владимирская с Федоровской, была написана евангелистом Лукой. Когда точно было составлено Сказание об этом образе неизвестно, но к началу XVII в. существовало уже восемь его редакций[25]. Если кратко суммировать их рассказы, то история появления иконы на Руси и распространения ее почитания выглядит следующим образом. Святыня явилась в новгородских пределах в 1383 г. Она была «ангелами невидимо носима» из одного селения Новгородской земли в другое, неожиданно являясь местным жителям. Окончательно икона остановилась на одном

24. *Брюсова В.* Русская живопись XVII века. М.: Искусство, 1984. С. 90–91.

25. *Кириллин В.* Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 1(15). С. 103.

из берегов реки Тихвинки, где для ее пребывания была построена деревянная церковь Успения Богородицы. В XVII в. в разных редакциях Сказания были распространены две версии прежнего местонахождения и именования этой святыни. Одна из них отождествляла Тихвинскую икону с Одигитрией из Влахернского храма в Константинополе, откуда этот чудотворный образ собственной волей переместился на Русь, предчувствуя завоевание Византии турками. В другой версии это была «Богоматерь Рымлянская» — список с нерукотворного Лиддского образа, чудесно уплывший по морю из Константинополя в Рим во времена иконоборчества, а потом вернувшийся обратно. Возможно, эти рассказы появились еще в конце XV в. после взятия турками столицы Византийской империи и присоединения Новгорода к Москве, когда «явление» древней святыни на Руси начали трактовать как оставление ею утративших благочестие Рима и Константинополя. Икона тогда рассматривалась как покровительница Московского великокняжеского дома. Тихвин стал местом богомолья русских государей династии Рюриковичей. Для почитания иконы Богородицы Василий III построил каменный храм, а Иван Грозный основал Тихвинский Успенский монастырь. С древнего образа начали делать списки для церквей других городов.

После окончания Смутного времени покровительство иконы Богоматери Тихвинской было распространено на царей новой династии. К Сказанию о ней добавили новое чудо, свидетельствующее о поддержке этим образом усилий царя Михаила Федоровича по восстановлению государства. Во второй половине XVII в. появилась иконография «Богоматерь Тихвинская со Сказанием», включающая новые сюжеты, демонстрирующие силу иконы. Не исключено, что это было как-то связано с приездом из Тихвина в Москву иконописца Иродиона Сергеева, вызванного в столицу для работы над рукописью обновленной редакции «Сказания о чудесах иконы Тихвинской Богоматери»[26].

Ярким образцом использования этой иконографии является икона 1680 г. из церкви Смоленской Богоматери в Калуге (Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева, КП–756). Ее пытались связать с деятельностью ма-

26. См. *Иванова И.* Икона Тихвинской Богоматери и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской Богоматери» // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1966. Т. XXII. С. 423.

стеров тихвинской и московской школ второй половины XVII в.[27], но этот вопрос требует специального изучения. (Илл. 3)

Илл. 3. Неизвестный мастер. Богоматерь Тихвинская со Сказанием. 1680 г. Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева.

Из вкладной надписи на обратной стороне иконной доски следует, что икона является списком с чудотворного образа Тихвинского Успенского монастыря. Копия была изготовлена по заказу архимандрита этой обители Варсонофия и вложена им «по обещанию» в калужскую церковь Богоматери Одигитрии на Песках[28]. Точная причина вклада неизвестна, но можно предположить, что одним из поводов послужили события успешно развивавшей-

27. См. *Иванова И.* Икона Тихвинской Богоматери и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской Богоматери»; *Брюсова В.* Русская живопись 17 века. Табл. 69.

28. *Иванова И.* Икона Тихвинской Богоматери и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской Богоматери». С. 419.

ся карьеры Варсонофия. Сан архимандрита он получил в 1670 г. в калужском Добром Покровском монастыре, в 1678 г. был назначен в Тихвинскую богородичную обитель, а в феврале 1680 г. переведен в Новый Иерусалим под Москву[29]. Для нашего исследования большую важность представляет содержание вкладной надписи, где говорится о способе копирования чудотворной иконы: «Сей святый образ пречистыя девы Мари Богородицы именуемый тихфинский преписася со опасным изследованием мерою и подобием со всечестным ея чудотворныя иконы тихфинская сущия во святой ея обители на Тихфине»[30]. В тексте подчеркивается, что святыня копируется со всей возможной тщательностью, с сохранением размеров и иконографических особенностей изображения. Соблюдение этих условий должно было помочь перенести благодать древнего образа его новому списку.

Вероятно, требование особой тщательности при создании списка со стороны заказчика определило и большое количество сюжетных клейм в его раме (24 клейма). Это позволило довольно точно передать содержание редакции «Слова о чудесах иконы Тихвинской Богоматери» второй половины XVII в. — от первого явления этого иконописного образа над Ладожским озером до видения Макария Унженского юродивому Никите. В большинстве клейм присутствует изображение самой чудотворной иконы. В череду чудес, совершенных святыней, вплетаются сцены как квазиисторические («Константинопольский патриарх показывает новгородским купцам место, откуда икона улетела на Русь», клеймо 18), так и исторические («Приезд в Тихвин великого князя Василия (1526), посещение тихвинского Успенского собора Иваном Грозным (1547)», клеймо 17).

Отдельного внимания удостоено чудо иконы, которое имело прямое отношение к Тихвину. Оно изображено в трех клеймах нижнего ряда (клейма 21–24). Тихвинский Успенский монастырь в Смутное время пережил осаду, сходную с той, что выпала на долю Троице-Сергиевой обители. В 1613 г. отряд шведских наемников Якоба Делагарди овладел Новгородом, но потерпел неудачу под Тихвином. После этого шведы осадили мона-

29. *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1887. С. 573; *Сербина К.* Очерки социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад XVI–XVIII вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. С. 152–153.

30. Цит. по: *Иванова И.* Икона Тихвинской Богоматери и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской Богоматери». С. 419.

стырь. В стенах обители укрывались не только монахи и воины, но и многие окрестные жители с семьями.

В клеймах калужского списка иконы Богоматери Тихвинской зафиксированы все основные эпизоды этого события, которые описаны в Сказании: осада монастыря; схватка русского и шведского отрядов у монастырских стен; отказ иконы покинуть обитель, когда священники попытались ее унести; «безвоинственная» победа защитников над шведами. В первом клейме изображена молитва монахов и мирян перед чудотворной иконой во время атаки шведского войска с развевающимися флагами; во втором — битва на поле возле монастыря; в третьем — неожиданное бегство шведов, пораженных, как сообщает Сказание, видением неисчислимого воинства, посланного на них Богоматерью. Эта сцена решена подчеркнуто реалистично: тщательно написаны фигуры отступающих в беспорядке и давящих в страхе друг друга шведских воинов, брошенные ими пушки, жерла которых все еще нацелены на монастырь. Но никакого чудесного войска, прогнавшего отряд Делагарди, здесь нет. Не видели его, по тексту Сказания, и защитники монастыря — они узнали о видении только от пленных врагов.

В честь этого события было установлено новое празднование иконе Тихвинской Богоматери 26 июня. Когда в Успенском Тихвинском монастыре находилось русское посольство, готовившее мирный договор со шведами, там был сделан список древнего образа, который посольство взяло с собой в Столбово. Копия иконы демонстрировала присутствие на переговорах святыни, оставшейся в своей обители. Перед ее ликом, согласно Сказанию, и был подписан мирный договор. Из Столбова послы с иконой отправились в Новгород, который семь лет был под контролем врагов, а теперь возвращался под власть московского государя. Легенда о чуде образа Тихвинской Богоматери, совершенном в Смуту, поддерживалась церковью и государством. До 1678 г. в память о нем на рождественской неделе чудотворную икону привозили из Тихвина в Москву[31].

Таким образом, сила иконы, распространявшаяся даже на ее копии, не должна была вызывать у современников никаких сомнений. Но почему-то при царе Федоре Алексеевиче статус ее культа был понижен, и она вновь превратилась преимуществен-

31. См. *Снессорева С.* Земная жизнь пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1994. С. 187.

но в региональную святыню. К сожалению, мы не знаем, о чем размышлял архимандрит Варсонофий, заказывая новый список Богоматери Тихвинской для своего вклада после получения высокой должности архимандрита Ново-Иерусалимского монастыря, и почему он стремился подчеркнуть сходство копийного произведения с подлинником и напомнить о силе иконы, явленной в начале царствования деда правящего монарха.

Любопытно сравнить калужский список «Богоматери Тихвинской со Сказанием» с подобной новгородской иконой, написанной упоминавшимся выше тихвинским мастером Иродионом Сергеевым в 1678 г. (Новгородский музей-заповедник, КП–7714, ДРЖ–970). В 26 клеймах ее рамы не нашлось места для новых чудес, имевших значение для всего государства — в них сила древнего образа «адресно» нацелена только на новгородцев и тихвинцев.

В заключение хочется подчеркнуть, что сама иконография списка чудотворной иконы со Сказанием о ее древнем образе не была изобретением иконописцев конца XVII — начала XVIII в. Существуют такие иконы и более раннего времени. Мы имеем дело не с новацией, а с продолжением и развитием традиции. Но иконы последнего этапа русского Средневековья отличает стремление составителей их иконографических программ актуализировать те чудеса чтимых богородичных образов, которые были связаны с прошлым Северо-Восточной и Московской Руси, Русского государства. Заказчики стремились не только перенести на новый образ силу чудотворной иконы (хотя на это, вероятно, тоже рассчитывали), но и сохранить память об уже произошедших чудесах, об излиянии благодати от этих образов, которое происходило в различных городах страны в критические моменты истории.

Библиография / References

Антонов Д. Цари и самозванцы: борьба идей в России Смутного времени. М.: РГГУ, 2019.

Брюсова В. Гурий Никитин. М.: Изобразительное искусство, 1982.

Брюсова В. Русская живопись XVII века. М.: Искусство, 1984.

Гребенюк В. Икона Владимирской Богоматери и духовное наследие Москвы. М.: Биоинформсервис, 1997.

Дмитриев Л. Слово о битве новгородцев с суздальцами // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л.: Наука, 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 347–351.

Иванова И. Икона Тихвинской Богоматери и ее связь со «Сказанием о чудесах иконы Тихвинской Богоматери» // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л.: Наука, 1966. Т. XXII. С. 419–436.

Каткова С. Икона «Богоматерь Федоровская со Сказанием» // XII научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой (1944–1995): Сборник статей. Ярославль: Аверс Плюс, 2008. С. 55–67.

Кириллин В. Сказание о Тихвинской иконе Богоматери «Одигитрия» // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 1(15). С. 102–120.

Киселев А. Чудотворные иконы Божией Матери в русской истории. М.: Русская книга, 1992.

Масленицын С. Икона «Богоматери Федоровской» 1239 г. // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность, искусство, археология. 1976. М.: Наука, 1977. С. 155–166.

Масленицын С. Писал Семен Спиридонов. М.: Изобразительное искусство, 1980.

Плюханова М. «Кипение света». Русские Одигитрии в литургической поэзии и в истории. СПб.: Пушкинский дом, 2016.

Попова Т. Иконы из собрания Переславского музея-заповедника. Рыбинск: Медиарост, 2015.

Рыжова О. Чудеса Федоровской иконы Богоматери по литературным и изобразительным источникам XVII–XIX вв. // Краеведческие записки. Кострома, 2003. Вып. VI. С. 164–176.

Сербина К. Очерки социально-экономической истории русского города. Тихвинский посад XVI–XVIII вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951.

Сказание о явлении и чудесах Федоровской иконы Богоматери // Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским археологическим институтом. СПб., 1909. Вып. XIX. С. 187–260.

Смирнова Э. «Смотря на образ древних живописцев...»: Тема почитания икон в искусстве Средневековой Руси. М.: Северный паломник, 2007.

Смирнова Э., Лаурина В., Гордиенко Э. Живопись Великого Новгорода. XV век. М.: Наука, 1982.

Снессорева С. Земная жизнь пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных ее икон. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1994.

Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб.: Типография С.В. Балашева, 1877.

Шереметевский В. Русский провинциальный некрополь М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко, 1914. Т. I.

Щенникова Л. Прославление чудотворной Владимирской иконы Богоматери в XVI веке: сказания и чтимые списки // История и культура Ростовской земли. 1997. Ростов, 1998. С. 96–103.

Щенникова Л. Прославление чудотворной Владимирской иконы Богоматери в XVII столетии // История и культура Ростовской земли. 1998. Ростов, 1999. С. 76–84.

Щенникова Л. Сретение Владимирской иконы Богоматери в Москве в 1395 г. Исторический сюжет и особенности иконографии // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М.: Индрик, 2018. С. 240–274.

Щенникова Л. Царьградская святыня «Богоматерь Одигитрия» и ее почитание в Московской Руси // Древнерусское искусство. Византия и Древняя Русь. К 100-летию Андрея Николаевича Грабара (1896–1990). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 329–340.

1000-летие русской художественной культуры: Каталог выставки. М.: Б.и., 1988.

Antonov, D. (2019) *Tsari I samozvantsy: bor'ba idei v Rossii Smutnogo vremeni* [Tsars and impostors: the struggle of ideas in Russia in the Time of Troubles]. M.: RGGU.

Briusova, V. (1982) *Gurii Nikitin* [Gury Nikitin]. M.: Izobrazitel'noe iskusstvo.

Briusova, V. (1984) *Russkaia zhivopis' 17 veka* [Russian painting of the 17th century]. M.: Iskusstvo.

Grebeniuk, V. (1997) *Ikona Vladimirskoi Bogomateri i dukhovnoe nasledie Moskvy* [Icon of Our Lady of Vladimir and the spiritual heritage of Moscow]. M.: Bioinformservis.

Dmitriev, L. (1989) "Slovo o bitve novgorodtsev s suzdal'tsami" [A word about the battle of Novgorod with Suzdal], *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*, v. 2, p.2, pp. 347–351. L.: Nauka.

Ivanova, I. (1966) "Ikona Tikhvinskoi Bogomateri i ee sviaz' so "Skazaniem o chudesakh ikony Tikhvinskoi Bogomateri"" [Icon of Our Lady of Tikhvin and its connection with the "Legend of Miracles of the Icon of Our Lady of Tikhvin"], *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*, v. 22. M., L.: Nauka.

Katkova, S. (2008) "Ikona "Bogomater' Fedorovskaia so Skazaniem"" [Icon "Theodor's Our Lady with the Legend"], *12 nauchnye chteniia pamiati Iriny Petrovny Bolottsevoi (1944–1995)*, pp. 55–67. Iaroslavl': Avers Plius.

Kirillin, V. (2004) "Skazanie o Tikhvinskoi ikone Bogomateri "Odigitriia"" [Legend of the Icon of Our Lady of Tikhvin "Hodegetria"], *Drevniaia Rus'. Voprosy medievistiki* 1(15): 102–120.

Kiselev, A. (1992) *Chudotvornye ikony Bozhiei Materi v russkoi istorii* [Miraculous icons of Our Lady in Russian history]. M.: Russkaia kniga.

Maslenitsin, S. (1976) "Ikona "Bogomateri Fedorovskoi" 1239 g." [Icon of Theodor's Our Lady of 1239], *Pamiatniki kul'tury: Novye otkrytiia. Pis'mennost', iskusstvo, arkheologiia*, 1977, pp. 155–166. M.: Nauka.

Maslenitsin, S. (1980) *Pisal Semen Spiridonov* [Wrote Semyon Spiridonov]. M.: Izobrazitel'noe iskusstvo.

Pliukhanova, M. (2016) *"Kipenie sveta". Russkie Odigitrii v liturgicheskoi poezii i v istorii* ["The boiling of light". Russian Hodegetrias in liturgical poetry and in history]. SPb.: Pushkinskii dom.

Popova, T. (2015) *Ikony iz sobraniia Pereslavskogo muzeia-zapovednika* [Icons from the collection of the Pereslavl Museum-Reserve]. Rybinsk: Mediarost.

Ryzhova, O. (2003) "CHudesa Fedorovskoi ikony Bogomateri po literaturnym i izobrazitel'nym istochnikam 17–19 vv." [Miracles of the Theodor's Icon of the Mother of God according to the literary and pictorial sources of the 17th — 19th centuries], *Kraevedcheskie zapiski*, v. 6, pp. 164–176. Kostroma.

Serbina, K. (1951) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi istorii russkogo goroda. Tikhvinskii posad 16–18 vv.* [Essays on the socio-economic history of the Russian city. Tikhvin Posad of the 16th — 18th centuries]. M., L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR.

"Skazanie o iavlenii i chudesakh Fedorovskoi ikony Bogomateri" [The Legend of the Appearance and Miracles of the Theodor's Icon of the Mother of God], *Vestnik arkheologii i istorii, izdavaemyi Imperatorskim arkheologicheskim institutom*, v. 19 (1909), pp. 187–260. SPb.

Smirnova, E. (2007) *"Smotria na obraz drevnikh zhivopistsev...": Tema pochitaniia icon v iskusstve Srednevekovoi Rusi* ["Looking at the image of ancient painters ...": The theme of veneration of icons in the art of Medieval Russia]. M.: Severnyi palomnik.

Smirnova, E., Laurina, V., Gordienko, E. (1982) *ZHivopis' Velikogo Novgoroda. 15 vek* [Painting of Veliky Novgorod. 15 century]. M.: Nauka.

Snessoreva, S. (1994) *Zemnaiia zhizn' presviatoi Bogoroditsy i opisanie sviatykh chudotvornykh ee ikon* [The earthly life of the Blessed Virgin Mary and a description of Shes holy miraculous icons]. IAroslavl': Verkhne-Volzhskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Stroev, P. (1877) *Spiski ierarkhov i nastoiatelei monastyrei Rossiiskoi tserkvi* [Lists of hierarchs and rectors of monasteries of the Russian Church]. SPb.: Tipografiia S.V. Balasheva.

Sheremetevskii, V. (1914) *Russkii provintsial'nyi nekropol'* [Russian provincial necropolis], v. 1. M.: Tipo-litografiia Tovarishchestva I.N. Kushnerev i Ko.

Shchennikova, L. (1997) "Proslavlenie chudotvornoi Vladimirskoi ikony Bogomateri v 16 veke: skazaniia i chtimye spiski" [Glorification of the miraculous Vladimir Icon of the Mother of God in the 16th century: legends and revered replicas], *Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli*, pp. 96–103. Rostov.

Shchennikova, L. (1999) "Proslavlenie chudotvornoi Vladimirskoi ikony Bogomateri v 17 stoletii" [Glorification of the miraculous Vladimir Icon of the Mother of God in the 17th century], *Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli*, 1998, pp. 76–84. Rostov.

Shchennikova, L. (2018) "Sretenie Vladimirskoi ikony Bogomateri v Moskve v 1395 g. Istoricheskii siuzhet i osobennosti ikonografii" [The Meeting of the Vladimir Icon of the Mother of God in Moscow in 1395. The historical plot and features of iconography], *"Vertograd mnogotsvetnyi"*, sbornik k 80-letiiu Borisa Nikolaevicha Flori, pp. 240–274. M.: Indrik.

Shchennikova, L. (1999) "TSargradskaia sviatynia "Bogomater' Odigitriia" i ee pochitanie v Moskovskoi Rusi" [Tsargrad shrine "Our Lady of the Hodegetria" and its veneration in Moscow Russia], *Drevnerusskoe iskusstvo. Vizantiia i Drevniaia Rus', k 100-letiiu Andreia Nikolaevicha Grabara (1896–1990)*, pp. 329–340. SPb.: Dmitrii Bulanin.

1000-letie russkoi khudozhestvennoi kul'tury [The 1000th anniversary of Russian art culture] (1988), katalog vystavki. M.